

Дискуссии и обсуждения

О ФОРМАХ ДОНАЦИОНАЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Л. П. Лапух

По мере углубления конкретных исследований по древней и средневековой истории различных стран становится все более ясно, что историческая смена первобытнообщинной формации классовым обществом сопровождалась процессами куда более сложными и противоречивыми, чем это представлялось совсем недавно. По-видимому, правы те авторы, которые выделяют довольно длительный период переходного состояния от социальной структуры, основанной на общинно-родовых отношениях людей, к классово-антагонистической структуре, построенной на совершенно иных формах общественных связей¹.

Основное содержание переходного периода состояло в замене коллективистических производственных отношений и других социальных связей родового общества отношениями нового типа, основанными на взаимном экономическом интересе самостоятельных мелких производителей. Институт собственности на основные средства и орудия производства отличался в ту пору такой же неопределенностью и многозначностью, как и социальная физиономия широкого слоя «трудящихся субъектов» (по выражению К. Маркса), хотя уже тогда возникали элементы неравенства и имелись прямые предпосылки классовобразования (начало имущественного расщепления среди свободных людей, усиление господствующего положения наследственных вождей и их родственников, воинов и жрецов, наличие рабов-военнопленных, элементы закабаления соплеменников и т. д.)².

Большой интерес представляет дальнейший процесс становления классового общества. Современные данные заставляют предполагать, что существовало несколько устойчивых типов раннеклассовых образований, большинство которых затем переросло в феодальные общества. Формирование отношений непосредственного господства и подчинения в социально-экономической сфере и кристаллизация общественно-политических институтов в форме раннегосударственных образований происходили в обстановке полнейшего упадка родоплеменной организации (с сохранением, однако, тех или иных связанных с нею пережитков в отношениях ближайших родственников, формах поселения, в религиозных культах и пр.), но при значительной силе и прочности территориально-соседских объединений свободных общинников. В зависимости от конкретных условий ранние формы эксплуатации принимали подчас своеобразное выражение, не объяснимое прямо с позиций «чистых» форм рабовладения и феодализма³. Историкам предстоит еще во всем

¹ Ю. И. Семенов. О периодизации первобытной истории. «Советская этнография», 1965, № 5, стр. 93; А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному. «Вопросы истории», 1967, № 1.

² А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков. М. 1956, стр. 8, 32, 35.

³ И. А. Стучевский. Зависимое население древнего Египта. М. 1966 (см. предисловие и раздел «Об азиатском способе производства»).

этом досконально разобраться на доступных материалах различных раннеклассовых образований. Цель нашей статьи заключается в ином: в свете современных научных знаний о социально-экономической трансформации человечества в период перехода от общинно-родового строя к классово-антагонистическому обществу в различных его ранних воплощениях рассмотреть специфические черты социально-этнических связей, формирующих разные исторические типы этнической общности. По нашему убеждению, состояние этнических связей в каждую данную эпоху, обусловленное естественноисторическим ходом социального развития, наиболее полно раскрывает характер таких общественных организмов, как этнические общности.

Нация — сложная социально-этническая общность капиталистической и социалистической формаций. Никто не сомневается, что для более точного установления типических отличительных черт нации в указанном основном качестве очень важно проследить ее генезис, а это означает раскрытие общих закономерностей социально-этнического развития и закономерностей формирования конкретно-исторических типов донациональной этнической общности. Однако проблема формирования последних изучена явно недостаточно. В данной статье автор стремится показать развитие форм донациональной этнической общности через раскрытие характерных для них органических связей. Постановка этого вопроса требует прежде всего уточнения понятия «этническая общность», которое в логически и исторически обобщенном виде прилагается к устойчивым сообществам людей — «народам», объединенным целым рядом типических признаков социального и этнического порядка. С глубокой древности люди образовывали такие сообщества, выходящие за рамки первобытных производственных родовых коллективов, а в раннеклассовом обществе перекрывавшие локальные земледельческие и кочевые общины, но далеко не всегда совпадавшие с границами государственных политических объединений. Этнические общности мы рассматриваем не как извечные, природой данные категории, но как специфические типы социально-этнической группировки населения определенных исторических эпох.

Очевидно, что наиболее ранней формой этнической общности было племя, то есть объединение людей, считающих себя происходящими от общих предков и сознающих свое кровное родство, отличающихся от других племен особым языком или диалектом, особым названием, определенной территорией расселения. Эти отличия как раз и можно назвать характерными этническими особенностями, а также и признаками этнической общности, которые, если взглянуть на них в исторической перспективе, подвержены закону развития и изменения. Рассмотрим эти этнические признаки в совокупности и порознь в том виде, как они характеризуют племена, — в данном случае этнические общности периода начавшегося перехода от общинно-родового к раннеклассовому обществу. Немалое количество сведений на этот счет мы находим в сочинениях античных авторов.

Древних греков, уже вступивших в классовые отношения, интересовали социальная структура и общий облик окружавших их «варварских» народов. Сейчас можно считать установленным, что греческие понятия «эллин» и «варвар» имели в виду не одни только языковые различия («barbarophonos» — «иноязычный»), а весь комплекс признаков языка, культуры, религии, быта и т. д.⁴ К числу различительных признаков, которые мы назовем этническими, Геродот, например, неизменно относил внешний физический облик, характер, язык, занимаемую территорию, хозяйственные занятия, одежду, обычаи, религиозные культы («История», IV, 106—111). Древние авторы улавливали этнические раз-

⁴ «История греческой литературы». Т. I. М.-Л. 1946, стр. 28—31.

личия между отдельными племенами и группами племен, но ими осталась не понятой внутренняя закономерность соотношения этих признаков, в совокупности дающих отдельную этническую общность. Выражаясь точнее, у этих авторов не было ясного представления об органических связях, внутренне формирующих отдельные племена и внешне отграничивающих одно племя от другого. Самое большое, что мог, например, установить Страбон о дунайских гетах, это то, что «эллыны считали гетов фракийским народом; они жили по обеим сторонам Истра»; или то, что «существует другое деление Гетской земли, остающееся с древних времен: одну часть этого племени называют даками, другую — гетами» («География», VII, 3, 12). Приведенные отрывки никак нельзя понимать в том смысле, что на рубеже нашей эры существовало большое племя («народность») гетов фракийского происхождения, которое в чисто территориальном отношении разделялось на собственно гетов и даков. Сам Страбон поясняет, что те и другие могли враз выставить десятки тысяч воинов, то есть фактически они представляли собой крупные этнические массивы, распадавшиеся на множество мелких племенных группировок.

Вообще античные авторы указывают названия многих западноевропейских племен, распределяя их по происхождению и языку между кельтами, германцами, фракийцами, иллирийцами и т. д. Каждую из упомянутых групп мы не можем считать ни отдельным, хотя бы и очень обширным, племенем, ни целостным союзом племен, ни тем более народностью античной эпохи. Римские писатели, больше знавшие о группировке древних германцев, предпочитали чаще называть их по именам отдельных племен, причем для обозначения племени как социально-этнического образования употребляли различные термины: общеизвестное «*populus*» — «народ», которое этимологически смысливается как «общность людей такого-то языка»; «*gens*» — буквально «род», но в данном случае «люди одного происхождения, соплеменники»; «*civitas*» — «сообщество» (мы бы сказали еще точнее — «социальный организм») под углом зрения его социально-политической организации.

Известно, что древние германцы не считали себя одним народом, так как распались на множество независимых, часто враждовавших друг с другом племен, а поэтому и не имели общего самоназвания. «Имя же «Германия», — писал Тацит, — новое и недавно вошедшее в употребление: сначала «германцами» называлось то племя, которое первое перешло Рейн и вытеснило галлов и которое теперь называется тунгами. Таким образом, укрепилось имя целого народа (*nationis nomen*), а не одного племени (*gentis*): сначала галлы так стали называть всех жителей Германии по имени победителя из страха, а потом те сами усвоили себе имя германцев, приданное им галлами» («*Germania*», 187). В данном случае интересна попытка Тацита обозначить родственное население целой страны обобщающим этническим термином «*natio*» — «нация, народ», хотя ему и было известно чужеземное и искусственное происхождение этнонима «германцы». В действительности «германцы», «кельты», «иллирийцы» начала н. э. представляли собой не столько сплоченные этнические общности, сколько конгломераты родственных племен, возникшие вследствие неизбежного в условиях первобытного общества дробления и расхождения (а частично и последующего смешения) периодически разраставшихся (но только до возможного предела) древних кровнородственных объединений. По отношению к ним если и можно употреблять понятие «общность», то лишь в том смысле, что все эти племена вели свое происхождение от одного генетического корня, говорили на более или менее близких диалектах, обитали на смежных территориях, имели сходные обычаи и племенные культы, время от времени образовывали военные союзы и конфедерации.

С историко-этнографической точки зрения такие конгломераты племен резоннее всего называть «этнолингвистическими общностями», подчеркивая тем самым, что основной объединяющей их чертой является родство по происхождению и языку, которое обнаруживается в самом общем плане, а не в узком смысле свойственного племени единства «крови и имени», отчетливо осознаваемого соплеменниками — членами данной локальной общности. При этом следует подчеркнуть, что такое этническое самосознание — единство «крови и имени» — порождается отнюдь не имманентными факторами биолого-психологического характера. Единство племени как этнической и социальной единицы подчеркивается исторически обусловленными общественными связями, постоянно действующими в рамках данной общности. Одной из важнейших форм таких связей внутри племени является язык, и, пока оно существует, язык остается единым вне зависимости от числа локальных родовых групп, составляющих племя⁵. Однако сам по себе язык как средство повседневного общения племенное единство поддерживает и обрамляет, но не формирует. Непреложным законом развития языка, не закрепленного в литературе, является то, что «ни один язык не может распространиться по обширной территории или хотя бы на сколько-нибудь значительной площади без того, чтобы не обнаружить диалектных различий, ибо невозможно удержать многочисленное население от разъединения на группы по местности, в каждой из которых язык имеет тенденцию к самостоятельному движению»⁶. В условиях первобытного общества, с характерной для него тенденцией дробления разросшихся племенных объединений на дочерние группы, появление нового диалекта знаменует собой возникновение нового племени, которое известным образом обособляется от старого, а также от других родственных ему племен (что мы и видели на примере германцев, кельтов и т. д.). Общность языка — важный элемент племени как сплоченной этнической общности; важный, но не единственный.

Во всех сочинениях, посвященных разбираемому вопросу, подчеркивается, что необходимым условием возникновения и длительного сохранения этнического единства является совместное проживание людей одного языка на определенной территории. Это то, что принято называть «общностью территории», обязательной для какой бы то ни было этнической общности. Данное положение следует уточнить в том смысле, что не сама физическая территория с присущей ей протяженностью, площадью, конфигурацией и другими природными данными определяет этническую общность людей (племени, народности и т. д.), но, будучи областью совместного проживания людей одного происхождения и языка, эта территория (самое точное ее название — «этническая территория») в сознании коренных жителей рисуется землей предков, неотъемлемой родиной, вне которой человек утрачивает важнейшие связи со своим народом.

Подобные факты общеизвестны, и еще Л. Г. Морган называл обладание собственной территорией обязательным атрибутом каждого племени, но одновременно высказывал и такую глубокую мысль, что каждое греческое племя «было более или менее локализовано на определенной территории, соответственно требованиям социальной системы, покоившейся на личных отношениях»⁷. Здесь значение совместного проживания сородичей раскрывается не столько через признак территориально-

⁵ Л. Г. Морган уверенно заявлял: «Среди американских туземцев имеются крайне редкие случаи, когда племя объединяет народы, говорящие на различных диалектах. Если такие случаи встречаются, то они являются результатом соединения более слабого с более сильным племенем, говорящим на родственном диалекте» (Л. Г. Морган. Древнее общество. Л. 1934, стр. 61).

⁶ Э. Сэпир. Язык. М.-Л. 1934, стр. 119.

⁷ Л. Г. Морган. Указ. соч., стр. 140.

сти, сколько через характерную для них форму общественной (и одновременно этнической) связи. На примере германцев Морган высказывается еще определеннее: «Интересно отметить, как прочно человеческие племена были связаны строем своей социальной системы»⁸. Тем самым мы вплотную подходим к обоснованию того принципиального положения, что ведущим фактором формирования этнической общности выступает именно социальная система, то есть совокупность тех общественных связей, которые в конечном счете вызваны к жизни способом производства. Как известно, в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Это производство начинается впервые с *ростом населения*. Само оно опять-таки предполагает *общение* (Verkehr) индивидов между собой. Форма этого общения, в свою очередь, обуславливается производством». Надо заметить, что термин «общение» имеет здесь очень широкое содержание, включая материальное и духовное общение людей в рамках крупных сообществ. Касаясь исторических судеб развитых типов социально-этнической общности, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали: «...вся внутренняя структура самой нации зависит от ступени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего общения»⁹. В интересующем нас аспекте под внутренним общением следует понимать систему тех внутренних общественных связей, которые определяют самое сущность племенной общности (равно, как и всякой другой этнической общности, но в ином историческом выражении) и которые тем самым можно назвать органическими связями. Органические связи цементируют этническую общность, обуславливая собою прочность и всех других форм внутренних этнических связей — по языку, осознанию этнической принадлежности, совместному проживанию, культуре и т. д. При гармоническом состоянии этих связей племя сохраняет свое единство как целостный общественный организм; при нарушении, а тем более разрушении этих связей племя как этническая общность распадается. Этническая сплоченность племени, таким образом, поддерживается господствующей в нем социальной системой.

Родовое устройство греков гомеровской героической эпохи рисуется довольно отчетливо. Уже Страбон обратил внимание на то, что в знаменитом перечне «всех, кто явился под Троею» («Иллиада», II), фактически названы члены мелких союзов, состоящих из нескольких родовых поселков. Боевые порядки греческого ополчения под Троей были организованы по филам (племенам) и фратриям (родовым объединениям). В качестве «единицы органической социальной системы» греческий род сохранял большое значение и в послегомеровские времена, определяя собою структуру и более широких социальных и этнических объединений — племен и союзов племен. Прочные узы общности, основанной на кровном родстве, ярче всего проявлялись, конечно, внутри рода, так как они поддерживались непосредственными связями сородичей, а также общим родовым именем и традиционной генеалогией, которые сами по себе были достаточным и бесспорным доказательством общего происхождения¹⁰. Роль стойких генеалогических представлений, основанных на действительных или фиктивных кровнородственных связях, была особенно велика в тех реальных жизненных случаях, когда невозможно было восстановить подлинную преемственность сменяющих друг друга поколений, их прямых и побочных ветвей. Для определения родственных связей, выходящих за пределы рода, то есть связей племенных и межплеменных, недостаточно было общности языка, быта и религиозного культа: необходимо было также совпадение «крови и имени», которое и поддерживалось традицией единого генеалогического древа.

⁸ Там же, стр. 138.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 19, 20.

¹⁰ См. «Архив Маркса и Энгельса». Т. IX, стр. 137.

Генеалогические предания служат важным элементом в определении этнического родства племен. Достаточно сослаться на легенду скифов о происхождении их племен от трех мифических братьев — Липоксая, Арпоксая и Колаксыя (Геродот, «История», IV, 5). В свою очередь, известие Тацита о делении западногерманских племен на эрминонов, иствеонов и ингвеонов — согласно мифу о «происхождении народа и родоначальников», потомков трех сыновей «первочеловека» Манна («Germania», II), — отражает, по-видимому, представление о племенных группах, ведших свое происхождение от одного корня. О большом значении генеалогии в осознании не только родового, но и племенного единства очень хорошо сказал Рашид-ад-дин (конец XIII — начало XIV в.): «У всех [этих племен] четкое и ясное родословное дерево [шаджарэ], ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие [своих] предков и учат и наставляют в знании [родословия] каждого появившегося на свет ребенка. Таким образом, они делают собственностью народа слово [зикр] о нем, и по этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени [кабилэ] и происхождения»¹¹.

На примере целого ряда хорошо известных науке древних обществ, вступавших в полосу становления раннеклассовых отношений, можно видеть, насколько медленно этнические связи, построенные на осознании кровного родства, заменялись новыми связями, учитывавшими только факты совместного проживания, языкового взаимопонимания, экономических интересов и гражданской солидарности. Необходимы были серьезные сдвиги в сфере производства, развитии семьи и собственности, прежде чем эти новые связи возобладали над родоплеменными традициями. У истоков этого процесса было зарождение социально-экономических отношений, выходящих за узкие рамки родовых общин. Повсюду в Греции VIII—VI вв. до н. э. наблюдался так называемый синойкизм, то есть слияние ранее обособленных общин, расположенных поблизости друг от друга. Древние формы объединения родов — филы и фратрии — еще некоторое время продолжали сохранять свое значение в этих новых группировках населения (в целом афинян, спартанцев и т. д.), но, как правильно отметил Морган, общей тенденцией тогда уже было не столько более сложное общественное воспроизведение племени, сколько переход «в политическое общество, основанное на территории и собственности, что было существенным условием вступления в цивилизацию»¹².

Ф. Энгельсом дан глубокий анализ экономических и политических причин, обусловивших полный упадок родового строя. Общий рост производительных сил, дальнейшее общественное разделение труда, развитие торговли и ремесла привели к тому, что «население разделялось теперь по своим занятиям на довольно устойчивые группы; каждая из них имела ряд новых общих интересов, для которых не было места внутри рода или фратрии...»¹³. В родовом строе была пробита и та существенная брешь, что члены различных родов, фратрий и племен от поколения к поколению все больше перемешивались между собой и для общественных целей объединялись уже не по родственным группам, а по проживанию на одной территории. Упрочившейся государственной власти оставалось только в законодательном порядке закрепить стихийно сложившуюся к концу VI в. до н. э. новую форму группировки населения. В Афинском государстве «новая организация управления, проведенная Клисфеном, игнорировала деление на четыре древних племени, основанных на родах и фратриях. Ее место заняла совершенно новая организация на основе уже испытанного в навкратриях разделения гражд-

¹¹ «Сборник летописей». Т. I, кн. 2. М.-Л. 1952, стр. 13.

¹² Л. Г. Морган. Указ. соч., стр. 126.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 114.

дан только по месту их жительства. Решающее значение имела уже не принадлежность к родовым союзам, а исключительно место постоянного жительства; не народ подвергался делению, а территория; население в политическом отношении превращалось в простой придаток территории¹⁴. Так возникли демы — самоуправляющиеся общины-округа. Население каждого из них называлось «демосом», то есть народом, гражданами, связанными не родом и родовым именем, а территориальной общностью и названием своего дема. Десять демов составляли «локальную филу» («*philon torikon*»), причем это понятие также не выражало ни родства, ни племенной принадлежности граждан. Основным социальным организмом и этнической общностью выступал афинский народ (можно сказать, «демос») в целом, говоривший на особом аттическом наречии и объединенный территориально, политически и общим именем.

✓ Давно доказано, что так же, как у греков в героическую эпоху, у латинян в так называемый царский период (VIII—VI вв. до н. э.) существовала общественная организация военной демократии, основанная на родах, фратриях и племенах и развившаяся из них¹⁵. Древние латиняне, заселявшие область Лациума, распались на родовые группы, из которых каждая занимала укрепленный поселок с прилежащим земледельческим округом («*pagus*»). Эти общины, числом до 30, составляли племенной союз, который одновременно выступал и политическим объединением («*civitas*») и этнической общностью («*populus*»), так как члены союза — родовые общины — были связаны друг с другом единством происхождения и языка, придерживались сходных обычаев и приходили друг другу на помощь в случае военной обороны или нападения¹⁶. Оформление собственно римского общества было отмечено своеобразными чертами. В древнейшем Риме сохранялись еще родовые отношения, пронизывавшие всю структуру римского народа («*populus Romanus*»). Согласно преданию, все население состояло из 300 родов, каждые 10 родов объединялись в курию, каждые 10 курий — в трибу (всего было три трибы). Столь четкое членение римского общества наводит на мысль, что равное число родов в каждой курии и число курий в каждой трибе были следствием искусственного упорядочения, законодательной мерой, однако самый принцип деления древних римлян на роды, фратрии и племена имел под собой историческую основу.

Римские писатели определяли род следующим образом: «Членами рода называются имеющие общее происхождение и называющиеся одним и тем же именем» (Фест); «Как потомки Эмилия будут Эмилиями и сородичами, так производные от слова Эмилий образуют родовые имена» (Варрон)¹⁷. Курия — своего рода братство по религиозному культу и общественное собрание мужчин — рисуется надродовой организацией, по форме напоминающей древнюю фратрию. Триба первоначально представляла собою племенное образование (возможно, что одна из римских триб сложилась как объединение латинских родов, другая — сабинских и третья, — может быть, этрусских). Л. Г. Морган считал термин «*tribus*» («треть народа») искусственным новообразованием¹⁸.

Как бы то ни было, упомянутые 300 родов составляли единый социальный организм, к которому мог принадлежать лишь тот, кто был членом рода, а через свой род — членом курии и трибы. До реформы Сервия Тулия (VI в. до н. э.) в число полноправных римлян не включался довольно многочисленный слой плебеев, — возможно, переселен-

¹⁴ Там же, стр. 117.

¹⁵ См. там же, стр. 127.

¹⁶ Т. Моммзен. История Рима. Т. I. М. 1936, стр. 37.

¹⁷ Цит. по: Л. Г. Морган. Указ. соч., стр. 162, 174.

¹⁸ См. там же, стр. 172.

цев со стороны и представителей покоренных племен, лично свободных людей, имевших право владеть землей в окрестностях Рима. Будучи чужаками, плебеи первоначально не входили в состав римских родов, курий и триб, а поэтому не пользовались никакими политическими правами. Реформа Сервия Тулия, отражая назревшие потребности общественного развития, покончила с устройством римской городской общины («*civitas*») по родовому признаку, заменив его принципом территориально-имущественного размежевания. Вновь учрежденные четыре трибы не имели ничего общего со старыми родоплеменными трибами; это были лишь территориальные округа, к которым приписывалось все гражданское население, как патрицианское, так и плебейское, владевшее здесь земельными участками¹⁹. Таким образом, в древнем Риме, как и в Греции, примерно в одно и то же время восторжествовали более прогрессивные формы социальных связей, которые способствовали концентрации населения небольших раннеклассовых государств-городов в социально-этнические общности более высокого типа, чем племена, — «*demos*», «*populus*».

Своеобразный путь этнического развития проделали древнегерманские племена до начала возникновения у них собственной раннефеодальной государственности. В первых веках н. э. германцы находились на уровне военной демократии, то есть доклассового общества, в недрах которого вызревали зачатки государственной власти. Традиционная система родоплеменной организации и связанного с ней обычного варварского права еще оказывала большое воздействие на общественные порядки. Однако историки констатируют заметные различия между германцами времен Тацита (конец I в.) и германцами III в., достигшими значительных успехов в развитии сельского хозяйства, ремесла и торговли, что углубило индивидуализацию производства и разделение труда между отдельными группами населения. Экономический прогресс приводил к дальнейшему разложению общинно-родового строя, разделению общества на знатных и незнатных, к появлению все большего числа полностью или частично зависимых людей. Именно в это время особое значение приобретают военные походы для захвата добычи и новых земель, которые превращаются в постоянный натиск на Римскую империю²⁰.

В обстановке переходного периода к классовому обществу германцы сохраняли традиционные формы группировки населения: они селились «по родам и родственным группам». Понятие рода выражалось у германцев однозначными словами — «*kuni*», «*kunni*» и т. д. В германских языках существовал специальный суффикс *-ing*, *-ung* для обозначения родовой связи, общности происхождения: он отчетливо звучит, например, в древних родовых именах типа Меровинги, Каролинги, Амелунги и т. д. Племенное объединение родов в германских языках, по всей видимости, называлось: «*riuda*» — в готском, «*thiuda*» — в древнесаксонском, «*diot*» — в древневерхненемецком; отсюда производное «*diutisc*» — «народный» (сперва в значении народного языка, потом как название немецкого народа — «*deutsch*») ²¹. Буквальное значение этого термина «народ, люди такого-то языка» свидетельствует, что основной формой этнической общности древние германцы считали племя, обладавшее собственным диалектом. Немецкие исследователи (О. Бремер, Л. Шмидт и др.) основательно изучили процесс развития племенных общностей германцев, подразделив их по историческому типу на три

¹⁹ «Всемирная история». Т. II. М. 1956, стр. 114—115.

²⁰ А. Р. Корсунский. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М. 1963, стр. 23—28; «Всемирная история». Т. II, стр. 786—787.

²¹ В. М. Жирмунский. История немецкого языка. М. 1956, стр. 20; его же. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.-Л. 1964, стр. 46.

группы: Stämme — мелкие племена времен Цезаря и Тацита; Großstämme — большие племенные объединения III в.; Wandergenossenschaften — «военные союзы», гораздо более пестрые по своему этническому составу, с которыми германцы выступают в эпоху «великого переселения» (IV—V века)²².

О «малых племенах» можно судить по сообщениям античных авторов, знавших множество небольших по численности кровнородственных объединений, возникших вследствие дробления и расселения племен германского происхождения, которые в совокупности составляли то, что мы выше назвали этнолингвистической общностью. Но процесс этнического дробления германцев не мог продолжаться до бесконечности. В силу изменившихся условий жизни I—II вв. типичным явлением становится интеграция мелких племенных групп в более широкие объединения. «Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их...»²³. Потребность таких союзов и слияний усиливалась потребностью объединения военных сил германцев в начавшейся борьбе против Римской империи.

В «большие племена» в первую очередь объединялись наиболее близкие друг другу по языку, обычаям и соседству группы германского населения. Так, под именем саксов консолидировалась значительная часть «северноморских» племен, под именем франков — племена между Рейном и Везером, под именем алеманов — большая группа приэльбинских свевов. Надо полагать, что «большие племена» поглощали и какие-то части племен более далекой степени родства, которые оказались в сфере их политического притяжения. На то, что «большие племена» были новыми социальными образованиями, указывает очень прозрачная этимология их самоназваний: алеманны — «все мужи», франки — «свободные», саксы — «товарищи по оружию». Включаясь в эти своеобразные группировки, малые племена либо совсем утрачивали свои прежние имена, либо сохраняли их только как обозначение отдельных подразделений «большого племени». Размежевание германского населения по «большим племенам» — фактически новым социальным организациям — нивелировало былую обособленность и создавало предпосылки к формированию этнических общностей по признаку не только близкого родства, но и по территориально-политическим интересам. В еще большей степени такая характеристика приложима к военно-политическим союзам германцев в период завоевания ими земель к западу от Рейна. Касаясь событий этого времени, Ф. Энгельс подчеркивал: «...переселение на римскую территорию разрывало кровнородственный союз и в пределах округа, и должно было его разрывать. Имелось, правда, в виду, что будут селиться племенами и родами, но это было неосуществимо. Продолжительные походы перемешивали между собой не только племена и роды, но и целые народы»²⁴. Вследствие перетасовки и слияния разнородных германских элементов, заново концентрировавшихся на каких-либо землях, возникали социально-этнические образования, представлявшие собой крайне пестрое сочетание родоплеменных и территориальных делений, которые при последующих благоприятных обстоятельствах уже в условиях феодального общества сливались в небольшие германские народности.

Исторический путь развития этнических общностей от племен к народностям был довольно сложным. И дело здесь не только в том, что

²² Данные об этих племенных образованиях подытожены в книге: В. М. Жирмунский. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 164.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 496.

народность как особая категория классового общества отнюдь не является простой модификацией численно разросшегося первобытного племени или даже союза племен, но и в том, что между племенем и народностью существовали промежуточные этнические образования. Именно к такой мысли, подсказанной внимательным изучением материала по истории различных народов, в настоящее время начинает склоняться ряд исследователей. Так, в своей последней книге П. Н. Третьяков прямо пишет, что народность, особенно такая большая, как древнерусская, не могла возникнуть сразу, непосредственно за распадом племен и племенных объединений, на это требовался ряд столетий, и поэтому между первобытными племенами и древнерусской народностью угадываются промежуточные звенья²⁵. Это справедливо прежде всего в общетеоретическом плане. Нет, конечно, оснований спорить с историками, подчеркивающими, что для народности типично наличие территориальных, «земляческих» связей между людьми одного языка и культурно-бытового уклада²⁶. Но нельзя игнорировать и тот очевидный факт, что при переходе от родового строя к классовому обществу указанные формы связей возникают не сразу и, даже получив развитие, отнюдь не сами по себе формируют родственное население в такую широкую общность, как народность, принципиально отличную от племенной и простейшей поземельной социальной общности.

Без наличия органических, то есть охватывающих весь этнический массив народности, связей, формирующихся в процессе ведущего к централизации социально-экономического развития, нет и быть не может, на наш взгляд, того типа этнической общности, который мы привыкли называть народностью. Что же касается чисто «земляческих» связей крестьянского населения, то, как убедительно показал на примере средневековой Германии Ф. Энгельс, они никогда не выходили «за пределы ближайших местных отношений и связанного с ними узкого местного горизонта»²⁷. Но обо всем этом подробнее речь пойдет несколько ниже. Чрезвычайно важно то обстоятельство, что «сложение народности во многом зависело и от конкретных исторических условий, которыми определялись не только быстрый или медленный ход ее формирования, не только размеры ее территории, но и то, складывалась ли народность из этнически однородных родственных групп населения или же включала в свой состав различные, некогда чуждые друг другу племена. Обычно границы народностей не совпадали с рубежами владений предшествующих им племен и племенных объединений»²⁸. Обе группы обстоятельств — и общетеоретических и конкретно-исторических — мы и постараемся обосновать данными по истории формирования греческой, латинской (римской) и некоторых средневековых западноевропейских народностей.

Переход древних греков от родовых связей к территориально-гражданским происходил на протяжении целого ряда столетий, с разной степенью интенсивности в различных государствах-полисах. Земледельческая, более отсталая Спарта дольше сохраняла родовые пережитки, так что гражданская община спартиатов, традиционно делившаяся на три старые дорийские филы, еще в VII—VI вв. носила скорее характер территориально-племенной группировки. Более высокий тип

²⁵ См. П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л. 1966, стр. 3; автор статьи по поводу формирования народности высказался в докторском автореферате «Этническая история и национальная консолидация коми (зырян)». М. 1964.

²⁶ См., например, А. М. Архангельский. Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М. 1961; А. Г. Агаев. К вопросу о теории народности. Махачкала. 1965.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 347.

²⁸ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 3—4.

этнической общности, который мы назвали «демосом»²⁹, представлял собою афинский народ, подразделявшийся на территориальные «локальные филы» и общины-демы. Обозревая ход этнического развития древних греков, мы, естественно, задаемся вопросом, когда же сложилась та эллинская общность, которую без всяких сомнений можно назвать народностью? «Всемирная история» на этот вопрос отвечает, что это происходит уже к середине I тыс. до н. э., причем процесс возникновения народности непосредственно увязывается с падением родовой организации³⁰. ✓

С этим положением мы не можем солидаризоваться прежде всего потому, что оформление такой сложной этнической общности, как народность, не происходит автоматически при начавшейся смене связей родовых территориальными и имущественными. Историческое движение общества, порождающее на развалинах родоплеменного строя первичные классовые социальные организмы³¹, структурно весьма изменчивые социальные единицы различной величины, явно опережает (как предпосылка опережает следствие) процесс становления народности — более широкого и более устойчивого этнического организма. Социальные родоплеменные связи могут полностью разрушиться, но прежнее этническое состояние (в смысле племенной общности населения по языку, территории, родословию, быту и т. д.) сохраняется много дольше. Необходим какой-то (иногда довольно значительный) отрезок времени, прежде чем социально-экономический процесс, активно воздействуя на этническое сближение территориальных групп родственного (а порою и неродственного) населения, сложившихся в предшествующую эпоху, перемешает и сплотит их настолько, что они станут чувствовать себя членами новой, более широкой этнической общности. Именно под таким углом зрения следует рассматривать вопрос о становлении древнегреческой (эллинской) народности. Конечно, уже в глубокой древности балканские греки, расселенные на смежных территориях в пределах сравнительно небольшой страны и говорившие на близких друг другу диалектах, сознавали свою языковую общность. Но это была этнолингвистическая, а не общеплеменная общность. Гомеровские греки не имели даже общего самоназвания.

Общегреческая, эллинская народность не могла возникнуть в первой половине I тыс. до н. э. в силу совершенно определенных исторических причин. Вплоть до периода греко-персидских войн (500—449 гг. до н. э.) история Эллады складывалась из истории отдельных городов-государств, слабо между собою связанных, хотя и вступающих иногда в военные союзы. В результате активной греческой колонизации VIII—VI вв. до н. э. рамки эллинского мира раздвинулись очень широко, но наибольшее развитие раньше получили государства-полисы не в его естественном центре — на Балканском полуострове, а на периферии — восточной (малоазиатской) и западной (в Сицилии и Южной Италии). Собственно, только к середине I тыс. до н. э. на территории балканской Греции выделились два наиболее значительных государства — Афины и Спарта, которые вскоре действительно взяли на себя роль гегемонов — объединителей многих других полисов. Греко-персидские войны послужили переломным моментом в истории эллинского мира. Вопреки никогда не прекращавшимся сепаратистским тенденциям полисов во время войны впервые сложился общеэллинский союз примерно из 200 самостоятельных общин. Дальнейшее превращение этого союза в Афин-

²⁹ Понимая этот термин в его первоначальном и буквальном смысле — «народ», то есть в смысле социально-этническом, а не как более позднее обозначение рядовых граждан афинского полиса.

³⁰ «Всемирная история». Т. II, стр. 34.

³¹ По данному вопросу см. Ю. И. Семенов, Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. «Вопросы истории», 1966, № 8.

скую архэ, несмотря на властный гегемонизм заметно возвысившихся Афин, принесло определенную выгоду союзникам: оно сплотило их политически, расширило и укрепило возникшие между ними экономические связи. В так называемый золотой век Перикла, показавший, по выражению К. Маркса, «высочайший внутренний расцвет Греции», Афины становятся крупнейшим экономическим, политическим и культурным центром Эллады. И лишь в начале второй половины I тыс. до н. э. явственно обнаруживается течение социально-этнического процесса, приведшего в конце концов к сложению общегреческой народности.

Пелопоннесская война и последующие бурные события, связанные с борьбой между отдельными группировками греческих полисов, ввергли эллинский мир в глубокие политические потрясения, но не изменили общей линии его развития. В результате долгих и сложных перипетий распавшийся было эллинский мир в конце IV в. до н. э. вновь собрался под македонской гегемонией. Антимакедонская борьба еще более усилила тяготение греческих полисов к политическому объединению, что диктовалось как потребностями экономического взаимобмена, так и тем, что небольшие полисы чувствовали свою беспомощность перед лицом сильных и властолюбивых соседей. Эта объединительная тенденция вызвала к жизни Этолийский и Ахейский союзы III в. до н. э., в которых отсутствовала гегемония какого-либо одного полиса над всеми остальными. В таких противоречивых условиях протекало формирование эллинской народности. Параллельно происходило становление древнегреческого языка. Примерно в VIII—VII вв. до н. э. многочисленные диалекты сконцентрировались в три основные группы — ионийско-аттическую, дорийскую и эолийскую, последующее слияние которых привело к образованию общегреческого языка «койнэ», развивавшегося на основе аттического диалекта. Многочисленные надписи показывают завершение процесса перехода от местных диалектов к койнэ в III—II вв. до н. э.³² Отмеченные крайние даты — VIII—VII и III—II вв. до н. э. — в основном окаймляют ту эпоху, когда фактически складывалась эллинская народность.

Сходными чертами, хотя и в иной исторической обстановке, было отмечено формирование латинской народности. Первоначально, около середины I тыс. до н. э., *populus Romanus* составляло население самого Рима и его ближайших окрестностей. Остальная часть Апеннинского полуострова была заселена самостоятельными италийскими группировками, не признававшими уз общности, выходившей за пределы их владений. В результате завоевательной политики Рима вся Италия от Мессанского пролива на юге до реки Рубикон на границе с Цизальпийской Галлией оказалась включенной в систему римской гегемонии. Потребовалось, однако, еще несколько столетий, прежде чем Италия была романизирована во всех отношениях к рубежу н. э., чем и завершился процесс образования латинской народности.

Эллинская и латинская народности рабовладельческой формации представляли собой своего рода большие гражданские общины всех лично свободных греков и римлян, направленные против чужеземцев и многочисленных рабов внутри страны. Невольничья часть населения, обычно овладевавшая государственным языком и фактически сливавшаяся со свободными гражданами в культурно-бытовом отношении, в состав господствующей народности не входила, всегда оставаясь в ней чужеродным телом³³. Внутренние противоречия, восстания рабов и внешние нашествия до основания разрушили греческое и римское господство. Античные народности распались на мелкие части, не создав базы для возникновения наций.

³² «История греческой литературы». Т. I, стр. 32, 40.

³³ См., например, М. Сергеевко. Жизнь древнего Рима. М.-Л. 1964, стр. 259—275.

Обозревая события в Западной Европе между V и IX вв., Ф. Энгельс отмечал: «...какими бесплодными ни представляются эти четыреста лет, они оставили *один* крупный результат: современные национальности, новое формирование и расчленение западноевропейской части человечества для грядущей истории»³⁴. В рукописи «О разложении феодализма и возникновении национальных государств» Энгельс подробно аргументирует данное положение: «Из смешения народов, происходившего в раннем средневековье, постепенно развивались новые национальности, процесс, при котором, как известно, в большинстве бывших римских провинций побежденное население, крестьяне и горожане, ассимилировало победителя — германского властелина»³⁵. Далее Энгельс останавливается на вопросе об установлении исторических границ между возникшими к IX в. французским и немецким языками и завершает свою характеристику следующим в высшей степени важным выводом: «Как только произошло разграничение на языковые группы... стало естественным, что эти группы послужили определенной основой образования государств, что национальности начали развиваться в нации»³⁶.

Благодаря активной завоевательной политике королям салических франков из династии Меровингов удалось подчинить многие германские племена, захватить большую часть Галлии и создать собственное государство. При Каролингах государство франков превратилось в обширную империю, охватившую западную часть Германии, всю Францию и северную часть Италии, с очень пестрым этническим составом населения. На всей этой территории в V—IX вв. происходили процессы интенсивного этнического передвижения и смешения, но в конечном итоге обрисовалась более или менее четкая картина этнолингвистического размежевания. В романизированных провинциях Западной Римской империи — в Галлии, Испании и Италии, где германский элемент завоевателей и колонистов был относительно малочисленным, он оказался вскоре полностью поглощенным романоязычным коренным населением. Лингвистически следы германского завоевания прослеживаются здесь только в виде некоторого количества словарных заимствований³⁷. На исконно германских землях, особенно в прирейнских областях, франкский этнический элемент сохранил преобладание. Под владичеством франков (иствеонов) в государстве Меровингов и Каролингов объединены были алеманны и баварцы (эрминоны), а потом и саксы (ингвеоны). Племенные диалекты западных германцев послужили базой формирования древневерхненемецкого языка, этапы становления которого в письменной форме зафиксированы в некоторых литературных памятниках. На первых порах для племенных диалектов, из которых в будущем разовьется немецкий язык, не существовало никакого общего названия. Слово «deutsch», происходящее от прилагательного «diutsc» («народный»), впервые около 778 г. засвидетельствовано со значением «народный язык» в приложении ко всем германским группировкам — франкам, англосаксам, готам и пр. Более совершенная форма названия древневерхненемецкого языка — «diu diutisca zunge» — употребляется Ноткером (около 1000 г.). Но как название народа «diutisch», «deutsch» встречается лишь с самого конца XI века³⁸.

Как бы ни были фрагментарны отмеченные свидетельства, все же они позволяют говорить о явно замедленном темпе формирования верхненемецкой (diutisch) народности. Это объясняется и тем, что в состав формирующейся народности входили различные по своему про-

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 154.

³⁵ Там же, стр. 409.

³⁶ Там же, стр. 410.

³⁷ В. М. Жирмунский. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков, стр. 14.

³⁸ В. М. Жирмунский. История немецкого языка, стр. 52.

исхождению и диалекту германские группы, и, главное, тем, что указанный процесс протекал в своеобразной обстановке, когда родоплеменной строй уже разрушился (но старые этнические связи еще не потеряли своего значения), а феодальные отношения и более широкие экономические связи еще по-настоящему не развились.

Прежние племенные союзы сменялись не народностью, а так называемыми «племенными герцогствами», в каждом из которых преобладала та или иная племенная группа, но уже в смешении с чужеплеменниками, то есть в этническом отношении население ранних герцогств представляло собою территориально-племенные объединения. В рамках последних все более развивались соседско-«земляческие» связи, которые в совокупности с особым диалектом, самосознанием и иными бытовыми особенностями отмежевывали одну локальную группу населения от другой. И чем значительнее проявлялась эта обособленность, тем в большей степени земляческие различия и представления приобретали характер различий этнического порядка. Наследием ранних «племенных герцогств» были немецкие феодальные «земли» XII—XIII вв. — Верхняя Лотарингия, Эльзас, Швабия, Бавария, Франкония, Тюрингия, Саксония. Между ними наблюдались значительные различия в хозяйственном быту, диалекте, в самосознании. В хрониках XII—XIII вв. наряду с общим представлением о Германском («Тевтонском») королевстве саксы, швабы и бавары рассматривались нередко как отдельные народности³⁹. Гуго фон Тримберг на рубеже XIV в. прямо писал о различных германских «языках земель» («lantsprachen»), хотя в общем-то считал их разновидностями «немецкого языка» («tiuisch»)⁴⁰.

Иными словами, на ранней стадии формирования немецкой (да и не только немецкой) народности феодальной формации действовали тенденции как объединительные, так и разъединительные, вследствие чего одноязычное население под воздействием общегосударственных политических сил и экономических факторов постепенно концентрировалось в социальный организм с чертами этнической общности на достаточно широкой территории, но в силу резко выраженных местных особенностей и интересов одновременно подразделялось на «земляческие» группировки. Общее направление подобных явлений определялось спецификой феодального способа производства, господством мелкого патриархального хозяйства, которое «предполагает раздробление земли и остальных средств производства» и совместимо «лишь с узкими первоначальными границами производства и общества»⁴¹. Это и определяло группировку населения по территориально-хозяйственному признаку не в пределах целой страны, а в узких рамках земледельческого округа. Экономика феодального периода не создавала единого рынка, необходимого для быстрого развития процессов национальной консолидации. Более того, постоянное дробление феодальных государств, войны между ними, установление новых таможенных и политических границ постоянно препятствовали этому процессу. В странах с этнически однородным составом населения устанавливались территориальные «национальные области» (по терминологии С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова), которые при дальнейших успехах экономического и политического развития становились базой формирования народностей — непосредственных предшественников европейских наций. В таком аспекте народность феодальной формации вырисовывается не простым генетическим продолжением и расширением племенной общности, а качественно новой «преднациональной» этнической общностью.

Для пояснения нашей позиции сошлемся на пример формирования французского народа. В период Меровингов и Каролингов нельзя еще

³⁹ «Всемирная история». Т. III. М. 1957, стр. 84.

⁴⁰ В. М. Жирмунский. История немецкого языка, стр. 59.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 771.

говорить о французах как о вполне сложившейся этнической общности, сплоченной разносторонними органическими связями. Формировавшаяся на севере Франции древнефранцузская языковая группа даже в X—XI вв. не составляла единого организма и, судя по диалектам, распадалась по крайней мере на две «национальные области»: «западную», включавшую в себя диалекты нормандские, северо- и юго-западные, франсийские, и «северо-восточную» с рядом других диалектов. Становление в XI—XIII вв. французского письменного языка, опиравшегося на территориальные, «земляческие» диалекты Северной Франции, было не чем иным, как следствием формирования северофранцузской народности. Но одновременно на территории Южной Франции и ее основной политической единицы — Тулузского графства, расположенного между Роной и Гаронной, возникла другая французская народность — провансальская, со своим особым языком, культурой, особыми политическими и экономическими интересами. Попытки Иль-де-Франса присоединить к королевскому домену Южную Францию долгое время терпели неудачу, но даже с присоединением Тулузского графства в 1229 г. и позднее слияние обеих народностей происходило крайне медленно. Как свидетельствуют французские историки-марксисты Ж. и К. Виллар, фактически такое слияние в одну нацию завершилось с революцией XVIII века⁴².

Таков в самых общих чертах генезис этнических общностей античной рабовладельческой и средневековой феодальной формаций. Интересно узнать, как в этом отношении обстоит дело в странах древнего и средневекового Востока, где процесс классообразования принял весьма своеобразные формы. Учитывая, что в настоящее время историки все настойчивее говорят «о возможности сосуществования рабовладельческих и феодальных элементов в обществе азиатского типа»⁴³, нелишне задаться вопросом о наличии опосредствованной связи между этой социально-экономической спецификой и особенностями формирования этнических общностей на Востоке, например, в древнем Египте и в странах Передней Азии. Нам кажется, что такая связь обнаруживается, только ее рассматривать следует через призму специфики древневосточной общины — особого социального организма. Практическая неизбежность кооперации большого числа рабочих рук при создании и поддержании ирригационной системы способствовала значительной прочности восточной общины, которая при замене кровнородственных связей соседскими оставалась монолитным объединением земледельцев. «Всего упорнее и всего дольше неизбежно держится азиатская форма, — писал К. Маркс, — это заложено в ее предпосылке: в том, что отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине, что объем производства рассчитан только на обеспечение собственного существования, что земледелие и ремесло связаны воедино»⁴⁴. Выделившейся в свое время родовой верхушке (она же рабовладельческая знать), а также верховной деспотической власти страны оказалось проще наложить на такую общину кабальную зависимость, чем разложить ее полностью как социальную структуру⁴⁵.

Застойность и малая подвижность египетской общины ограничивали развитие этнической общности на широкой территории. Данное обстоятельство не было учтено сторонниками того взгляда, что уже с возникновением на рубеже IV и III тыс. до н. э. ранней государственности в Нильской долине произошло становление древнеегипетской народности, типические черты которой, однако, вырисовываются крайне

⁴² Ж. и К. Виллар. Формирование французской нации. М. 1957, стр. 41—42.

⁴³ В. В. Струве. Понятие «азиатский способ производства». «Народы Азии и Африки», 1965, № 1.

⁴⁴ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М. 1940, стр. 18.

⁴⁵ И. А. Стучевский. Зависимое население древнего Египта, стр. 114—115, 156—157.

неопределенно. Как нам кажется, следовало бы обратить большее внимание на номы — «области» Египта, игравшие столь заметную роль на всем протяжении древней истории этой страны. Напомним, что от начала письменного периода и вплоть до римского завоевания на рубеже н. э. древний Египет состоял из особых территориальных подразделений (в разное время их было от 33 до 42), в пределах которых возможно было ведение самостоятельного ирригационного хозяйства. В эпоху ранних династий каждый ном имел собственное управление, имя и герб, свою религию, особых богов-покровителей. Население номов говорило на различных, хотя и родственных языках и диалектах, причем жители отдельных номов не всегда понимали друг друга⁴⁶. Учитывая, что ранние номы складывались непосредственно на основе племенных группировок коренного населения, есть основания считать эти номы своеобразными формами этнической общности («номовая общность»). Даже в условиях объединенного древнеегипетского государства население отдельных местностей чувствовало себя в первую очередь членами своей номовой общности, а уж затем гражданами всего Египта⁴⁷. При ослаблении центральной власти в конце Древнего Царства Египет вновь распался на экономически и политически самостоятельные номы, боровшиеся между собой или составлявшие союзнические объединения. Только начиная с периода Среднего Царства Египет достиг такой степени централизации и упрочения форм общности населения, при которой номовый сепаратизм и исключительность отступили на задний план. Примечательно, что среднеегипетский язык у самих египтян считался классическим и в Новом Царстве и позднее, как своего рода символ египетского единства в период борьбы с иноземными захватчиками⁴⁸.

Сказанное выше приложимо и к странам древней Передней Азии. В III тыс. до н. э. в Двуречье племенные объединения оседлого населения были уже в значительной степени разрушены, а границы широких этнических общностей, в которых можно было бы видеть народности, были еще очень неустойчивыми. Этнические общности скорее определялись предшествующим племенным расселением, видоизменяясь в результате этно-культурных контактов, завоеваний, насильственных переселений и т. п.⁴⁹. И. М. Дьяконов заметил, что древневосточные языки не знают наименования «народ» в широком этническом смысле; им свойственны лишь слова, выражающие понятия «племя», «совокупность граждан», «подданные», «сыновья такой-то страны» (иначе — города, общины) и только изредка — «люди такого-то языка»⁵⁰. Основной хозяйственно-политической единицей в Двуречье выступала община «уру», или «ки», состоявшая из ряда укрепленных поселений. Несколько соседних общин образовывали более крупное территориальное объединение, которое очень напоминало египетский ном — с единым языком (диалектом), культурой и религией, особым самоназванием, автономным управлением и т. д. Деспотическая верховная власть страны соединяла такие территориальные общины в одно политическое целое⁵¹, но, естественно, не могла сформировать из них монолитную этническую общность. В данном случае, как и во многих других, вышеописанных, слабость экономических связей не позволяла по-настоящему развиваться органическим связям в масштабе широкой народности.

⁴⁶ Н. С. Петровский. Египетский язык. Л. 1958.

⁴⁷ В. В. Струве. Древний Восток. М. 1937, стр. 148.

⁴⁸ Н. С. Петровский. Указ. соч., стр. XI.

⁴⁹ «Народы Передней Азии». М. 1957, стр. 28.

⁵⁰ И. М. Дьяконов. Народы древней Передней Азии. «Переднеазиатский этнографический сборник». Вып. I. М. 1958.

⁵¹ К. Маркс называл стоящую над всеми этими общинами деспотическую власть «связующим единством» (см. К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 6).